

О ЧЕМЪ ГОВОРЯТЪ.

(На злобу дня).

Драматическое искусство, кажется, вполне определенно вступило на путь передѣлокъ и позаимствованій. Авторы уже не „опираются на сюжеты“, а просто-на-просто взяли ножницы и клейстеръ и давай выкраивать куски изъ романовъ и повѣстей. Налѣпять кусокъ, подпустить кое-чего своего, а тамъ опять вырѣзка, а тамъ опять свое кое что и т. д.

Вся надежда, конечно, на заглавіе да на „морсо“. Вся надежда на то, что прибавки отъ автора пройдутъ, можетъ быть, незамѣченными. Авторъ уже не думаетъ о томъ, чтобы выдвинуть свое собственное имя, а всегда готовъ предупредительно скрыться.

— Это не я, это—Достоевскій. Это не я, это Максимъ Горькій...

И все въ такомъ же родѣ. На авторовъ умершихъ, даже на авторовъ благополучно здравствующихъ,—сдѣланъ энергичный наскокъ съ этими ужасными ножницами. Какіе то чиновники, актеры и вовсе неизвѣстнаго званія люди всѣ полѣзли въ драматурги. Ни одинъ изъ нихъ не способенъ написать маленькаго разсказа самостоятельно, а драмы дѣлаетъ.

— Да позвольте, господа! Вѣдь драматическое то искусство потруднѣе всякаго другого.

— Вотъ вздоръ какой! По нынѣшнимъ временамъ самое легкое занятіе, на досугѣ, между дѣломъ. Ножницами чикъ-чикъ—и готово! А потомъ и получай поактную плату. Разлюбозное дѣльце въ смыслѣ частныхъ доходовъ. Времени отнимаетъ немного, голову не затрудняетъ, а между тѣмъ считаютъ даже за писателя и въ разные литературныя общества принимаютъ. Ну, и на мелкіе расходы годится все-таки.

Говорятъ, что театральная цензура въ настоящее время завалена передѣлками. Да какъ еще! На каждое оригинальное произведение штукъ 8—10 „приспособленій“ къ сценѣ.

Особенно не повезло М. Горькому. Писатель этотъ, хорошо извѣстный нижегородцамъ, хотя и любитъ обращаться къ обществу съ горькими укоризнами, но на дѣлѣ человѣкъ довольно конфузливый и скромный. Сказалъ ему кто-то:

— Дозвольте, я приспособлю „Оому Гордѣева“ къ сценѣ.

— Ну, чтожъ, пожалуй, приспособляйте.

Согласился и забылъ и, можетъ быть, общалъ еще кому нибудь.

Вотъ отсюда и пошло. Теперь очень трудно разобратъ, кому собственно М. Горькій общалъ, но всѣ предъявляютъ исключительное право. Г. Евдокимовъ утверждалъ все время, что онъ собственно единственный избранникъ создателя босяцкой литературы.

— Онъ мой! Документальныхъ доказательствъ не имѣю, но увѣряю васъ честью, что М. Горькій общалъ именно мнѣ.

Г. Евдокимовъ накроилъ что-то изъ „Оомы Гордѣева“ и понесъ въ Новый театръ къ г-жѣ Яворской. Та посмотрѣла и говоритъ:

— Я и сама вмѣстѣ со своими сотрудниками не хуже сдѣлаю.

Г. Евдокимовъ обидѣлся и пошелъ въ петербургскій театръ къ г-жѣ Шабельской. Та приняла.

— Да правда-ли, что М. Горькій вамъ дозволилъ?

— Совершеннѣйшая правда. Только, можетъ быть, забылъ.

— Ну, это ничего. Я и сама часто забываю, кому что дозволила.

Г-жа Яворская между тѣмъ соорудила своего „Оому Гордѣева“ при посредствѣ нѣсколькихъ сотрудниковъ, въ чемъ и созналась очень мило.

А тутъ письмо М. Горькаго. Я, говоритъ, кажется, никому не общалъ...

Послѣ того г-жа Шабельская точно что разсердилась.

— Ежели печатно заявить, значить обѣщанія не было.

Евдокимовъ—и такъ, и сякъ.

— Слышать ничего не хочу. Снимаю съ репертуара.

Евдокимовъ окончательно разсердился и пустилъ стрѣлу въ г-жу Яворскую и ея сотрудниковъ.

— Они не только Максима Горькаго, но и меня самого, Евдокимова, передѣляли. Я отъ себя кое что прибавилъ, а они и мое кое-что взяли.

Негодуетъ и плачетъ.

Только всѣ успокоились, какъ пишетъ нѣкто (фамилію, ей Богу, забылъ) изъ Кишинева:

— Мнѣ одному общалъ М. Горькій и больше никому. Имѣю собственноручное его письмо. Впрочемъ, я, какъ человѣкъ благородный, не передѣлываю автора, а только приспособляю его къ сценѣ.

Думалось, кончилась исторія передѣлокъ. Не тутъ то было. Еще нѣкто передѣлалъ „Петербургскія Трущобы“, В. Крестовскаго. Нашлась, однако, наслѣдница авторскихъ правъ и тоже печатно заявила:

— Я въ Ташкентѣ все время жила, ничего не слыхала, а въ Петербургѣ вотъ что сдѣлали. Взяли да и приспособили моего покой-

наго мужа къ сценѣ, безъ всякаго моего на то согласія.

Довольно, гг. передѣльватели, пощадите!

А вѣдь, знаете, это знаменіе времени—вотъ это самое передѣлочное повѣтріе. Ничего новаго, ничего оригинальнаго. Передѣлываютъ старое на подобіе Тришкина кафтана, но сохраняютъ прежнія названія.

И въ жизни такъ. Одежду общественнаго дѣятеля давно поурѣзали, сократили, заплатами починили—и вышла какая-то кургузая кацавейка, а называется по-прежнему: идеальныя ризы, облачающія органы самоуправленія.

Многочисленные Дельеры и Евдокимовы перекраиваютъ на свой ладъ формы общественной жизни, оставляя за ними старыя идейныя названія.

С. Яковлевъ.